
РАКУРСЫ

А.Ю. ДОМБРОВСКАЯ, А.В. СИНЯКОВ*

ПОТЕНЦИАЛ ОППОЗИЦИОННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ РОССИЯН: РЕЗУЛЬТАТЫ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА¹

Аннотация. Базовым исследовательским вопросом предпринятого эмпирического анализа служит вопрос о соотношении лоялизма и оппозиционности, активности и пассивности в процессе формирования стратегий гражданского участия россиян.

В рамках предваряющего прикладной анализ теоретического обзора авторы систематизируют существенный пласт специальных исследований о понятии, сущности, факторах формирования и типологии стратегий гражданского участия. На этой основе предлагается авторская методика эмпирического исследования российского гражданского активизма. Базовым методом сбора фактуальных данных служит Всероссийский массовый опрос россиян, репрезентированный по территории проживания, гендеру и возрасту респондентов (N=1600 человек). Методом кластеризации (K-средств, SPSS Statistics 26.0) базы данных опроса выделены 12 типов гражданского участия россиян.

Использовано два основания для типологии: интенсивность гражданского участия и модальность отношения к действующей власти. Значимыми итогами

* **Домбровская Анна Юрьевна**, доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: an-doc@yandex.ru; **Синяков Алексей Викторович**, заведующий учебной лабораторией кафедры методологии социологических исследований, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: alsin@socio.msu.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31484.

© Домбровская А.Ю., Синяков А.В., 2021 DOI: 10.31249/poln/2021.03.06

исследования служат выявление удельного веса представителей каждого кластера и установление зависимости между принадлежностью к типу гражданского участия и ценностными и социально-демографическими признаками россиян.

Установлено, что оппозиционность гражданских установок россиян сопряжена с их прагматическими ориентирами, стремлением к либеральным ценностям, высокой готовностью к участию в политических и гражданских акциях в онлайн- и офлайн-форматах, восприятием гражданской активности как площадки, свободной от участия государства.

Исследование показывает абсолютное доминирование отстраненной нейтральной позиции при относительно незначительном распространении активных лоялистской и критической позиций в социуме РФ. С одной стороны, это говорит об отсутствии высокого потенциала протестной активности в российском обществе. С другой стороны, довольно небольшая доля активных лоялистов в российском обществе может ограничивать общественную консолидацию вокруг официального курса действующей власти.

В качестве исследовательских перспектив обосновывается необходимость киберметрического измерения (с использованием инструментов больших данных) поддержки российской пользовательской аудиторией внешних и внутренних протестно-ориентированных дезинтегрирующих информационных потоков и степени одобрения конструктивных консолидирующих потоков, нацеленных на формирование лоялистских настроений в обществе, а также динамических и дискурсивных характеристик этих информационных потоков.

Ключевые слова: гражданское участие; гражданские установки; политические ценности; лоялизм; критицизм; активизм; пассивизм.

Для цитирования: Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 142–160. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>

Постановка проблемы исследования

Измерение интенсивности гражданского участия россиян и оценка потенциала развития у них критичной по отношению к действующей власти позиции служит значимой научной проблемой по ряду причин. Среди них – усиление информационного и экономического давления со стороны западных государств, осуждающих российскую власть за внешнюю политику. Эти обстоятельства предопределяют ряд рисков социальной дестабилизации российского общества, ключевым из которых является повышение оппозиционных настроений россиян на фоне снижения их доходов, усиливающееся в условиях продолжающихся ограничений по нераспространению пандемии. Вместе с тем все активнее

начинает действовать фактор роста гражданской активности и самоорганизации граждан РФ.

Российское гражданское общество становится более зрелым, формируется профессиональная сфера деятельности некоммерческого сектора. Главным форматом гражданского участия служит общественный контроль, выдвижение требований изменить или отменить неудачные управленческие решения¹.

В этих условиях становится важным оценить ресурс социальной консолидации и согласия россиян, их способности сплотиться вокруг официальной позиции власти в отношении внешних угроз и, соответственно, измерить потенциал дезинтеграции, масштабов оппозиционной активности, подрывающей доверие россиян к официальному курсу. Для этого в исследовании предпринимается кластеризация граждан РФ по двум основаниям: интенсивность и направленность гражданского участия.

Теоретический обзор

Определяя рамки понимания «гражданского участия», перечислим несколько подходов к этому термину, служащих фундаментом для разработки инструментария кластеризации россиян. Определение С. Патрушева акцентирует внимание на двух аспектах гражданского участия: совместность действий и нацеленность на общее социальное благо: «адаптивную публичную активность, связанную с реализацией универсальных прав и свобод, а также соответствующих компетенций – знаний, умений, поведенческих навыков и способностей, обеспечивающую (как правило, в сотрудничестве с другими индивидами) достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях. Гражданское участие обеспечивает воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также гражданской идентичности» [Патрушев, 2009].

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год // Общественная палата Российской Федерации. – 2019. – С. 136–137. – Режим доступа: <https://report2019.oprf.ru/> (дата посещения: 11.05.2021).

Л. Никовская и И. Скалабан предлагают комплексное определение гражданскому участию: «процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы» [Никовская, 2017]. Главные функции гражданского участия сводятся к вовлечению в сообщества для решения социальных проблем, обеспечению общественного контроля за решениями власти, формированию социальной сплоченности и идентичности, развитию социально ответственных личностей, повышению гражданской активности.

В. Петухов в своем определении гражданского активизма ориентируется на внутреннюю самоорганизацию и способы вовлечения в деятельность гражданского общества, добровольное движение и воплощение гражданских инициатив по улучшению качества жизни [Петухов, 2012].

Для настоящего исследования значимы работы Н. Седовой, в которых реализована социальная стратификация гражданского активизма. Социальную базу гражданского активизма исследователь рассматривает на основе типологии, построенной на трех параметрах: 1) включенность в деятельностные политические практики; 2) включенность в неполитические общественные практики; 3) гипотетическая готовность оказать поддержку общественным движениям. Исследователь приходит к ключевому выводу, что основными источниками гражданского активизма в современной России являются социально продвинутые, успешные, мобильные группы. При этом установлена прямая зависимость между гражданской активностью и характером жизненного целеполагания, ценностными установками, социальным самочувствием граждан [Седова, 2014].

В работах о гражданском участии зарубежных авторов наблюдается явное фокусированное внимание к воздействию цифровизации социальной жизни на формы гражданской активности граждан. По мнению Р. Янгса, нарастающая активность имеет важные последствия для отношений между гражданами, политическими институтами, обществом и государством, необходимости защиты гражданского пространства в сочетании с новыми возможностями для расширения участия граждан и переосмысления демократии [Youngs, 2019].

Расширение гражданского участия под влиянием цифровых коммуникаций проявляется в распространении индивидуализиро-

ванных и творческих форм активности. Причем гражданские акции все чаще используются для решения политических задач. Я. ван Дет считает, что растущее число граждан отвергает определенную границу между «политикой» и другими аспектами их жизни. Распространение экспрессивных форм действий требует включения целей и задач участников для характеристики участия [van Deth, 2014]. Я. Теохарис и Я. ван Дет характеризуют большое разнообразие творческих, выразительных, индивидуализированных и цифровых форм участия как часть репертуара политического участия. Репертуар политического участия в демократиях быстро расширяется и охватывает такие различные виды деятельности, как голосование, демонстрация, волонтерство, бойкотирование, ведение блогов и флешмобы. Формы участия в цифровой сети устанавливают новый и отличный способ политического участия [Theocharis, 2018]. Ш. Булианн и Я. Теохарис на основе метода метаанализа находят, что одним из положительных результатов влияния цифровых медиа является расширение возможностей гражданского участия. Они определили тесную связь между гражданскими действиями онлайн, такими как присоединение к политическим группам и подписание петиций, и политическими действиями офлайн, которые подрывают пассивность граждан [Boulianne, 2018].

Анализируя подходы к сегментированию типов гражданского участия, особо отметим позицию Л. Милбрата, рассматривающего человека как единицу анализа и объяснившего политическое участие гражданина с точки зрения деятельности с возрастающим уровнем усилий и приверженности [Milbrath, 1981].

Иерархия Л. Милбрата сопоставляет результативность действий с социальными ролями в рамках гражданской активности. «Зрители» гражданского участия оказывают незначительное влияние на достижение общих целей в сравнении с «Гладиаторами», имеющими существенный вес в реализации общественных инициатив [Selander, 2016].

Иерархия цифрового активизма, предложенная Д. Джордж и Д. Лейднер состоит из трех групп, состоящих из десяти видов активностей. Первая группа – «действия цифровых зрителей» – включает кликтивизм, метаголосование, утверждение. Вторая группа – «цифровые переходные действия» – включает электронное финансирование, потребление по политическим мотивам,

цифровые петиции и бивотизм. Третья группа «цифровые гладиаторские действия» включает активацию информационных данных, разоблачения и хактивизм [George, 2019].

П. Меркулов и Н. Проказина рассматривают классификацию участников социальных движений Д. Маккарти и М. Зальда, разработанную исходя из теории мобилизации ресурсов. Авторы классификации обозначили большие группы «приверженцев» и «активных членов». Внутри указанных групп выделили «потенциальных получателей выгод», которые могут получить персональную выгоду от реализации требований, и «моральных активистов», кто поддерживает движение без очевидных выгод для себя. Последние обычно выступают лидерами, организаторами и выразителями социального движения, предаваясь его ценностям и интересам [Меркулов, 2017].

Е. Бродовская и А. Домбровская с соавторами на основании исследования установок российской молодежи в сфере гражданской и политической онлайн-активности определяют ее отношение к различным видам гражданского и политического сетевого участия. Исследователи выявили позитивные установки российской молодежи в отношении цифрового волонтерства, а также возможности реализации электорального поведения онлайн. Авторы представили эмпирические свидетельства скептического отношения молодого поколения к политической рекламе онлайн, развитию политических объединений онлайн. На основании дифференциации установок гражданской и политической активности определили характеристики сетевых ролей «идеалистов», «прагматиков» и «традиционалистов» [Бродовская, 2019].

Исследование установок молодежи России на реализацию «цифрового гражданства» выявило значимые связи между оценками сетевых политических и гражданских практик и ценностными ориентациями, гражданскими установками, социально-демографическими характеристиками. Один из профилей взаимосвязей отражает скептическое отношение молодого поколения к политическим функциям глобальной сети Интернет и тяготении к «сетевому политическому абсентеизму» молодежи, ориентированной на такие ценности, как семья, дружба и путешествия по миру. Другой профиль показывает позитивное отношение к сетевому протесту той российской молодежи, которая ценит материальное богатство, тех, кто считает

защиту слабых и борьбу за справедливость главными способами проявления гражданственности, а также представителей позиции неосознания проблемы распространения национализма в глобальной сети и осуждения государственного контроля интернет-контента. Третий профиль – восприятие сетевой коммуникации как способа повышения личного и общественного благополучия – характеризует семейно ориентированных молодых россиян и тех из них, для кого сохранение родного языка есть основное проявление гражданственности [Бродовская, 2019].

Е. Бродовская, Т. Хуанг анализируют основные гражданские и политические практики, востребованные молодыми российскими пользователями в онлайн- и офлайн-средах, масштаб протестной мобилизации в социальных сетях, репертуар протестных сообщений, протестные установки «цифровых граждан». Авторы выделили четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде российской молодежи: «зрители», «вовлеченные», «активность», «лидеры». В свою очередь, процедура многомерного шкалирования позволила зафиксировать дифференциацию ценностных профилей и стилей жизни носителей разного типа протестного потенциала. Ключевой вывод исследования заключается в том, что наибольший потенциал протестной активности проявляют не типичные представители цифрового поколения, а молодежь с отклоняющимся ценностным выбором и стратегией цифрового гражданства [Бродовская, 2019].

Методология исследования

Настоящее исследование базируется на синтезе положений, принципов и методик таких методологических подходов, как новый институционализм в его социологической версии, позволяющей соотнести формальные и неформальные факторы в развитии у россиян стратегии гражданского участия [Норт, 1997]; когнитивный подход, нацеленный на исследование соотношения рационального, иррационального и псевдорационального компонентов в гражданских и политических стратегиях участия [Шестопал, 2018]; социальный конструкционизм, фокусирующийся на интересубъективной природе понимания процес-

са формирования представлений индивидов о гражданском участии [Бергер, 1995].

Базовым методом сбора информации служило Всероссийское онлайн-анкетирование (N=1600 респондентов, репрезентация по полу, возрасту, территориальной принадлежности). База данных опроса обработана в программе SPSS Statistics 26.0. Основной метод анализа данных – кластеризация методом К-средних.

Результаты исследования

В результате проведенного эмпирического исследования была выявлена структура гражданского участия россиян в 2020 году.

Сегментация россиян по типу гражданского участия обеспечила распределение, представленное на рис. 1. Кластеры были выделены на основе двух базовых критериев: степень активности политического участия («Активисты», «Вовлеченные», «Зрители», «Пассивисты»¹) и отношения к действующей власти («Лояльные», «Нейтральные», «Оппозиционные»).

¹ Термин «Пассивисты» вместо привычных «Пассивные» или «Выключенные» обусловлен стремлением к единообразию формулировок названий типов гражданского участия (все названия выражены с помощью существительных). Кроме того, понятие «Пассивизм» и «Пассивисты» легализуется упоминанием этих терминов в ряде научных источников. К примеру, в Философском энциклопедическом словаре пассивист – человек, который избегает вмешиваться в судьбу или влиять на ход событий, происходящих во внешнем мире. См. Пассивизм // Академик. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2954/%D0%9F%D0%90%D0%A1%D0%A1%D0%98%D0%92%D0%98%D0%97%D0%9C (дата посещения: 13.05.2021).

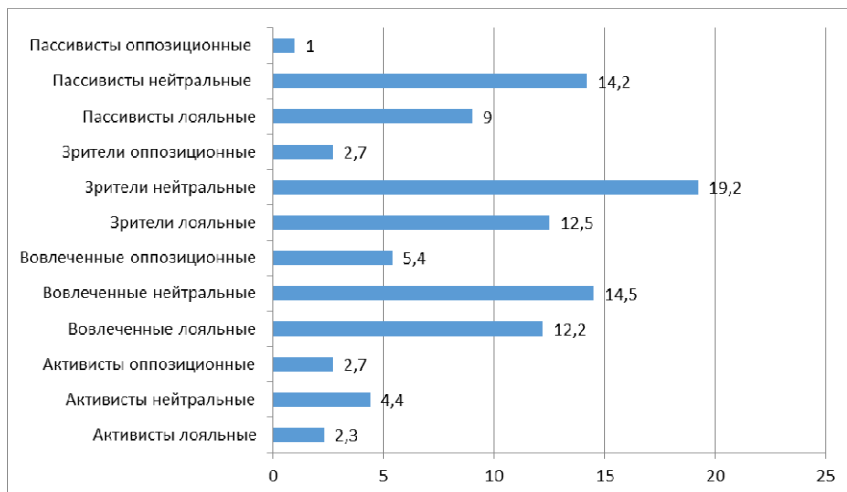

Рис. 1

Кластеры россиян по типу гражданского участия, в %

Наименее распространенная стратегия реализации гражданской позиции граждан России – «Активисты». Это кластер, представители которого имеют существенный опыт в организации социальных инициатив и политической активности. На рис. 2 показаны итоги сегментирования «Лидеров» по степени их лоялизма в отношении действующей власти.

Наиболее представлены среди «Активистов» нейтрально ориентированные (их около половины – 47,0% от числа всех «Активистов»). Фокусом их гражданского участия служит решение социальных проблем, реализация значимых для общества инициатив, при этом они не выражают однозначно позитивного или негативного отношения к действующему режиму. Около трети всех «Активистов» (28,8%) – оппозиционеры, критически настроенные по отношению к власти. И менее четверти представителей данного типа – лояльные «Активисты» (24,2%), нацеленные на организацию инициатив в поддержку политических решений и действий властных органов.

«Активисты» – это группа, доминирующую долю которой составляют граждане России в возрасте 25–39 лет и старше 50 лет, чаще всего маскулинной гендерной группы (59,0%).

Важным отличительным признаком «Оппозиционных активистов» является их большая, чем у «Лояльных активистов», ориентированность на участие в организации и проведении инициатив в политической сфере (политические акции с выдвижением требований власти (49,1 против 40,0%)). Вместе с тем в сфере организации гражданских инициатив «Активисты-оппозиционеры» также проявляют более весомую заинтересованность (82,4 против 72,4% у «Активистов-лоялистов»).

Значимым дифференцирующим критерием «Оппозиционных и лояльных активистов» служит отношение к выполнению гражданских обязанностей. Отметим, что оппозиционно ориентированные россияне гораздо чаще допускают идею о невыполнении гражданских обязанностей. Наиболее заметна дифференциация отношения оппозиционеров и лоялистов к таким обязанностям, как «прохождение воинской службы» (40,1% критиков власти считают, что эту обязанность можно не выполнять, при этом аналогичный показатель у лоялистов – 8,4%) и уплата налогов (9,6% оппозиционеров считают ненужной эту обязанность и вдвое меньше таковых среди лоялистов – 4,0%).

Около трети россиян составляют «Вовлеченные» – это, по сути, актив гражданского и политического участия, не ориентированный на лидерские позиции в этом процессе, но активно реализующий функции посильной помощи в организации гражданских проектов и политических акций. Среди «Вовлеченных», так же как среди «Активистов», доминируют нейтрально ориентированные по отношению к власти (45,2% – см. рис. 3). Однако лояльных к действующему режиму среди представителей этого кластера вдвое больше (38,0%) по сравнению с оппозиционерами – их 16,8%.

«Вовлеченные» – группа, преобладающий процент членов которой составляют граждане России в возрасте 30–39 лет и старше 50 лет, это равная в гендерном распределении общность (50,7 – мужчин и 49,3% – женщин).

Такой тип гражданского участия россиян, как «Зрители», является наиболее распространенным и составляет 34,4% всего населения РФ. Это граждане, проявление гражданской позиции которых ограничивается вовлеченностью в гражданскую и / или политическую повестку страны. Они – активные потребители информации из новых и традиционных медиа о политических и социальных вопросах, могут демонстрировать высокие показатели

пользовательской активности в отношении заинтересовавшего их контента, однако «Зрители» лимитируют свое участие лишь сторонним наблюдением за политической и социальной жизнью страны, предпочитая оставаться в стороне от реальных действий.

Среди «Зрителей» большинство сохраняет нейтралитет в оценке действующей власти (55,6%) (см. рис. 4). Довольно мало среди них оппозиционеров – 7,9%, и более трети (36,5%) лояльно настроены по отношению к властным органам.

«Зрители» – это группа, представленная в основном гражданами России в возрасте старше 50 лет; при этом соотношение гендерных групп примерно одинаковое – 47,0 мужчин и 53,0% женщин.

Чуть менее четверти россиян (24,1%) – представители типа «Пассивисты». Это граждане, выключенные из гражданской и политической повестки или проявляющие слабый и нерегулярный интерес к политической и гражданской повестке общества.

Установлена прямая взаимосвязь между степенью активности гражданского участия россиян и уровнем их лояльности по отношению к власти: чем менее активно выражается гражданская позиция, тем более лояльны россияне к власти. Среди «Пассивистов» наибольшая доля (среди всех кластеров) лоялистов – 37,2% и меньше всего оппозиционеров – 4,1%.

«Пассивисты» чаще всего представлены возрастной группой старше 30 лет (примерно равное количество людей среднего, предпенсионного и пенсионного возрастов). В гендерном отношении в этой подгруппе преобладают женщины (60,1%).

Ценностный профиль представителей различных кластеров россиян – одна из наиболее дифференцирующих категорий. Помимо общей для всех опрошенных тенденции к доминированию семейных ценностей (в среднем по массиву 63,7% россиян называют семью главным духовным ориентиром), существуют значительные отличия в ценностных предпочтениях опрошенных, принадлежащих к разным типам гражданского участия. Вызывает интерес тот факт, что оппозиционно ориентированные россияне существенно чаще заявляют об интересной работе (42,1 против 31,5% у лояльных), занятиях любимым делом, творчеством (53,2 против 35,0% у лояльных), карьере (16,9 против 13,4% у лояльных), путешествиях (33,1 против 21,2% у лояльных), создании собственного бизнеса (14,6 против 8,9% у лояльных), достиже-

нии элитарных социальных позиций (6,6 против 2,4% у лояльных), доступе к власти (9,5 против 2,9% у лояльных) как о значимых жизненных ценностях. Таким образом, оппозиционно ориентированных россиян отличает большая прагматичность ценностей, связанных с извлечением личной выгоды, ведением комфортного образа жизни, достижением высокого социального статуса.

Ценностные профили россиян, имеющих разную степень активности гражданского участия, также дифференцированы. «Активисты» и «Вовлеченные» существенно чаще, чем «Зрители» и «Пассивисты» ориентированы на ценность честной жизни (по 41,0 у «Лидеров» и «Вовлеченных» против 30,9% у «Пассивистов» и «Зрителей» в среднем), карьеру (18,0 в среднем у «Активистов» и «Вовлеченных» против 10,9% в среднем у «Пассивистов» и «Зрителей»), собственный бизнес (12,7 в среднем у «Активистов» и «Вовлеченных» против 8,3% в среднем у «Пассивистов» и «Зрителей»), элитарные социальные позиции (5,1 в среднем у «Активистов» и «Вовлеченных» против 2,6% в среднем у «Пассивистов» и «Зрителей»).

Показательно распределение по доминирующим политическим ценностям у россиян разного типа гражданского участия. Примечательно абсолютное преобладание ценностей либерального толка у «Оппозиционных активистов» (41,8 при среднем значении данного показателя по всему массиву респондентов – 22,4%), при этом социально-демократические ценности представители данного кластера выбирают втрое реже, чем «Лояльные активисты»: 6,1 против 17,7%. Кроме того, «Оппозиционные активисты» не разделяют ценности сильного государства, отвечающего за благосостояние граждан (2,6%), тогда как «Лояльные активисты» почти в восемь раз чаще высказываются за эту политическую ценность (16,0%). Исходя из этого, совершенно очевидно тяготение россиян, ориентированных на критическое отношение к действующей власти, к ценностям индивидуализма, личного успеха, частной собственности, защиты прав личности, благосостояния, основанного на индивидуальном вкладе в экономическое развитие страны. Напротив, лояльные представители гражданско-активной части россиян выступают за ценности коллективного блага, сильного и единого государства, преобладание общих ценностей и интересов над частной выгодой. Фактически те же тенденции наблюдаются и у россиян, при-

надлежащих к другим типам гражданского участия: у более лояльно настроенных преобладают социально-демократические ценности, у оппозиционных – либеральные ориентиры.

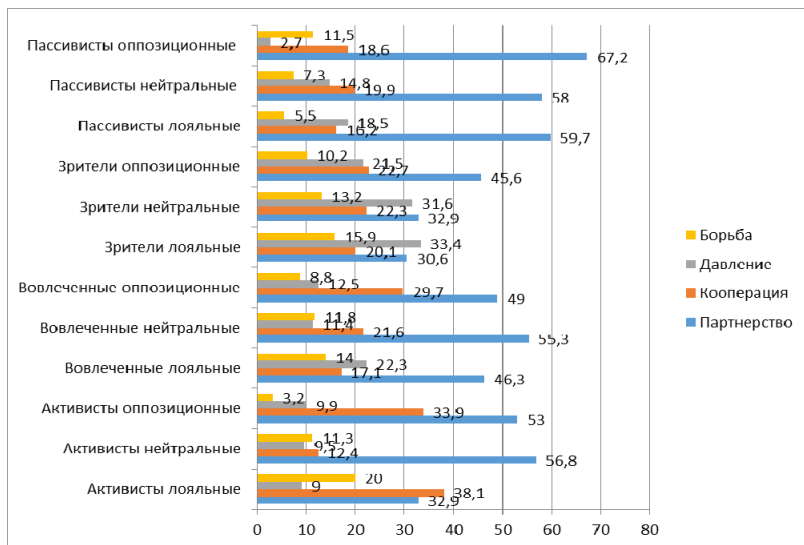

Рис. 2

Понимание «гражданской активности» у представителей различных типов гражданского участия, в %

На рис. 2 отражено понимание россиян – представителей разного типа гражданского участия – такого термина, как «гражданская активность». Фактически для всех кластеров эта категория расшифровывается как «форма взаимодействия, партнерства и кооперации граждан и государства». Вместе с тем существуют отличия в долевой репрезентации россиян с разным типом гражданской активности, понимающих «гражданскую активность» как «кооперацию граждан без усилий со стороны государства». Чаще всего этот тип активности как невмешательство государства понимают 28,1% в среднем всех представителей оппозиционно настроенных россиян. Почти для четверти (24,4%) лоялистов «гражданская активность» имеет негативный подтекст и ассоциируется с оказанием давления на власть и борьбой с властью за власть

(12,9%), что существенно превосходит аналогичные показатели у других кластеров россиян. Таким образом, для оппозиционеров несколько важнее, чем для остальных, возможность в рамках гражданской активности иметь свободную от присутствия государства площадку социально значимых действий.

«Оппозиционные активисты» и «Оппозиционные вовлеченные» чаще остальных кластеров реализуют такие типы цифровой гражданской активности, как оказание поддержки организаторам гражданской инициативы (69,7% от всех «Оппозиционеров»), размещение контента организаторов в своем профиле социальных медиа (47,5% из числа всех «Оппозиционеров»), взаимодействие с организаторами гражданских акций и помощь в сборе ресурсов (23,0% среди всех «Оппозиционеров») и участие в виртуальных акциях / во флэшмобах (17,4% от всех «Оппозиционеров»).

Более активное, чем у «Лоялистов», проявление гражданской активности онлайн, характерное для «Оппозиционеров», также свойственно для критически настроенных россиян и в офлайне. 43,9% всех «Оппозиционеров» участвуют в публичных акциях, более четверти (25,2%) являются волонтерами.

Заключение

Кластеризация россиян по двум группам оснований (интенсивность гражданской активности и степень лояльности власти) показала несколько значимых тенденций и закономерностей:

– с ростом оппозиционности у россиян более интенсивно проявляются прагматические ориентиры, стремление к либеральным ценностям, растет готовность к участию в политических и гражданских акциях в онлайн- и офлайн-форматах, укрепляется установка на восприятие гражданской активности как площадки, свободной от участия государства, усиливается убежденность в возможности несоблюдения ряда гражданской обязанностей;

– со снижением уровня гражданской активности (от «Лидеров» до «Пассивных») уменьшается доля россиян, имеющих критическую ориентированность по отношению к власти, таким образом, что среди «Лидеров» оппозиционеров наблюдается наибольший процент, а среди «Пассивных» – наименьший;

– гендерная специфика в распределении россиян по типам гражданского участия заключается в том, что существует явное доминирование маскулинной гендерной группы в числе «Лидеров» и «Оппозиционеров»;

– относительно небольшая суммарная доля наиболее оппозиционно активных россиян (8,1% оппозиционных лидеров и вовлеченных) свидетельствует о довольно невысоком протестном потенциале россиян в целом, вместе с тем абсолютное доминирование нейтрально ориентированных граждан при сопоставимом по числу оппозиционеров лояльно настроенных по отношению к власти россиян может указывать тревожный симптом низкого уровня уверенной поддержки населением органов власти и высокой степени риска конвергенции нейтральной позиции в критическую по отношению к действующему режиму.

Таким образом, отвечая на исследовательский вопрос, заключающийся в том, каково соотношение между потенциалом консолидации россиян вокруг официальной риторики власти о ближайших задачах российского общества и геополитической роли России, с одной стороны, и масштабами дезинтеграции, обусловленной оппозиционными настроениями россиян, с другой – следует признать абсолютное доминирование отстраненной нейтральной позиции при относительно незначительном распространении активной лоялистской и активно критической позиций в социуме РФ. Это предопределяет как негативное, так и позитивное следствия. Основной положительный эффект состоит в фактическом отсутствии существенного потенциала протестной активности в российском обществе в связи с небольшой долей лиц, нацеленных на поддержку оппозиционных настроений и критически ориентированного политического активизма. Вместе с тем довольно небольшая доля активных лоялистов в российском обществе будет препятствовать общественной консолидации в условиях санкционной войны, прочих условий, способствующих ухудшению материального положения россиян, а также в условиях информационной атаки западных акторов на Рунет, сфокусированных на подрыв доверия населения РФ к курсу действующей власти.

Перспективами исследования видится киберметрическое измерение заявленной темы. Предстоящими задачами служит определение масштабов поддержки российской пользовательской аудиторией информационных потоков лоялистского и оппозици-

онного толка; анализ динамических и содержательных характеристик внешних дезинтегрирующих информационных потоков и альтернативных консолидирующих информационных волн.

Решение этих задач позволит обосновать цифровые технологии, направленные на повышение потенциала социального согласия в российском обществе, его интеграции и консолидации.

A.Yu. Dombrovskaya, A.V. Sinyakov*
**Opposition potential of Russians' civil participation: results
of the cluster analysis**

Abstract. The basic research question of the undertaken empirical analysis is the question of the relationship between loyalism and oppositionism, activeness and passivity in the process of forming strategies for civic participation of Russians.

Within the framework of the theoretical review that precedes the applied analysis, the authors systematize a significant layer of special studies on the concept, essence, factors of formation and typology of strategies for civic participation. On this basis, the author's method of empirical research of Russian civic activism is proposed. The basic method for collecting factual data is the All-Russian Mass Survey of Russians, represented by territory of residence, gender and age of respondents (N = 1600 people). The clustering method (K-means, SPSS Statistics 26.0) of the survey database identified 12 types of civic participation of Russians.

Two indicators for the typology were used: the intensity of civic participation and the modality of the attitude towards the current government. Significant results of the study are the identification of the proportion of representatives of each cluster and the establishment of the relationship between belonging to the type of civic participation and the value and socio-demographic characteristics of Russians.

It has been established that the oppositional attitude of Russians' civic attitudes is associated with their pragmatic guidelines, striving for liberal values, high readiness to participate in political and civic actions in online and offline formats, perception of civic activity as a platform free from state participation.

The study shows the absolute dominance of a detached neutral position with a relatively insignificant spread of active loyalist and critical positions in the society of the Russian Federation. On the one hand, this indicates the absence of a high potential for protest activity in Russian society. On the other hand, a rather small share of active loyalists in Russian society can limit public consolidation around the official course of the current government.

As a research perspective, the author substantiates the need for cybermetric measurement (using big data tools) to support the Russian user audience of external and

* **Dombrovskaya Anna**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: an-doc@yandex.ru; **Sinyakov Alexey**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: alsin@socio.msu.ru

internal protest-oriented disintegrating information flows, and the degree of approval of constructive consolidating flows aimed at the formation of loyalist sentiments in society, as well as dynamic and discursive characteristics. these information flows.

Keywords: civic participation; civic attitudes; political values; loyalty; criticism; activism; passivism.

For citation: Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V. Opposition potential of Russians' civil participation: results of the cluster analysis. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 142–160. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>

References

- Berger P., Lukman T. *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Moscow : Medium, 1995, 323 p. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A. Civil and Political online practices in the assessments of Russian youth (2018). *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 180–197. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09> (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A., Sinyakov A.V. “Digital citizenship” in the assessments of Russian youth. *Political expertise*. 2019, Vol. 15, N 3, P. 326–344. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.301> (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2019, N 5, P. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01> (In Russ.)
- Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2019. Moscow : Public Chamber of the Russian Federation, 2019, P. 136–137 (In Russ.)
- Merkulov P.A., Prokazina N.V. Methodological approaches to the analysis of protest activity of youth. *Central Russian bulletin of social sciences*. 2017, Vol. 12, N 1, P. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.12737/24765> (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civil participation: Features of discourse and trends of real development. *The policy. Political research*. 2017, N 6, P. 43–60. DOI: [10.17976/jpps/2017.06.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04) (In Russ.)
- North D. *Institutes, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow : Fund for Economic Book “NACHA”, 1997, 112 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. Civil activity: an institutional approach (research prospects). *The policy. Political research*. 2009, N 6, P. 24–32. (In Russ.)
- Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. Civil activism in Russia: motivation, values and forms of participation. *Authority*. 2014, N 9, P. 13. (In Russ.)
- Sedova N.N. Civil activism in modern Russia. *Sociological journal*. 2014, N 2, P. 48–71. (In Russ.)
- Sibirev V.A., Golovin N.A., Klebanov A.A. Network communities in the struggle around the decision to hand over the St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church (January-June 2017). *Monitoring of public opinion: Economic and social*

- changes*. 2018, N 1, P. 296–317. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.15> (In Russ.)
- Shestopal E.B. Features of the use of psychological methods for the study of political perception. *Social psychology and society*. 2018, N 9, P. 81–90. (In Russ.)
- Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: a meta-analysis of research. *Social science computer review*. 2018, Vol. 38, Iss. 2, P. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>
- Deth van, J.A conceptual map of political participation. *Acta politica*. 2014, Vol. 49, P. 349–367. DOI: <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>
- Jordana J.G., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and organization*. 2019, Vol. 29, N 3100249. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>
- Milbrath L.W. *Political participation. The handbook of political behavior*. Boston, MA : Springer, 1981, P. 197–240. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4684-3878-9_4
- Selander L., Jarvenpaa S.L. Digital action repertoires and transforming a social movement organization. *MIS Quarterly*. 2016, Vol. 40(2), P. 331–352.
- Theocharis Y., Van Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European political science review*. 2018, Vol. 10(1), P. 139–163. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>
- Youngs R. *Civic activism unleashed: new hope or false dawn for democracy?* New York : Oxford university press, 2019. DOI: 10.1093/oso/9780190931704.001.0001

Литература на русском языке

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
- Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 180–197. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>
- «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров, А.В. Сияков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 326–344. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.301>
- Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 3–18. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>
- Меркулов П.А., Проказина Н.В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 15–23. – DOI: [10.12737/24765](https://doi.org/10.12737/24765)
- Никонская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>

- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М. : Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. – 112 с.
- Патрушев С.В.* Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 24–32.
- Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / *В.В. Петухов, Р.Э. Бараиш, Н.Н. Седова, Р.В. Петухов* // Власть. – 2014. – № 9. – С. 11–19.
- Седова Н.Н.* Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 48–71.
- Сибирев В.А., Головин Н.А., Клебанов А.А.* Сетевые сообщества в борьбе вокруг решения передать Исаакиевский собор Русской православной церкви (январь–июнь 2017 года) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1. – С. 296–317. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.15>
- Шестопал Е.Б.* Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. – 2018. – № 9. – С. 81–90.